

СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛЬСКИЕ
ПОВЕСТИ

I

Роман Братный Загонщик

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161719

Современные польские повести. Том I: Художественная литература;

Москва; 1974

Аннотация

Герой «Загонщика», уцелев в огне Варшавского восстания, в котором погибли его товарищи по оружию и любимая девушка, скрывается в деревне, одержимый одной идеей – выжить. Спрятаться от немцев, от всего мира, от своих собственных воспоминаний и переживаний. Ни во что не вмешиваться, ни во что и никому не верить. Прежние представления о морали, порядочности, совести кажутся герою отжившими. Он уверяет себя, что никогда больше не отзовется в нем человеческая струна – так извращен, лжив, опошлен окружающий его мир. По приходит час испытания, время ответственного экзамена на звание поляка и человека. И герой выдерживает его.

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роман Братный Загонщик

I

Я не верил ни во что. А во что было верить? В бога, с его сожженными храмами?... Странно, когда я об этом думал, мне виделись не развалины костелов, а дети. Серые, покрытые толстым слоем мучнистой, коричневой пыли, они лежали в доме без стен. Ступать там надо было широко и осторожно. Да, дети походили на фигурки святых, сбитые с алтарей.

Мне просто хотелось выжить. Переждать, пока не кончится это безумие, сеющее смерть. Трупы стали уже чем-то привычным, вроде валявшихся повсюду кусков штукатурки.

Может, надо было верить в людей? В Галонзку, который решил сдать после первого же воззвания фон дем Баха,¹ оставив умирать беременную жену? Живот у нее был вспорот осколком гранаты; она уже гнила, но еще дышала. В Алека? Пожалуй, в Алека, который сгорел на улице Фрета. Он прикрывал отход своим пулеметом, хоть видел, что этаж вот-

---

¹ Фон дем Бах – Бах-Желевский, гитлеровский генерал, руководивший подавлением Варшавского восстания в сентябре 1944 года. Предлагал гражданскому населению восставшего города сдаваться в плен.

вот займется огнем. В него? А ведь за два дня до восстания он сказал: «Это безумие!» И сгорел заживо ради того лишь, чтобы тех пятерых из отряда укокошили несколькими днями позже. Но я-то, я уцелел и хотел пожить еще малость. И никому больше не удастся меня одурачить.

Я верил в котелок горячей картошки, которую старуха варила мне на ужин, в сыр, в яйца, а то и в кусок говядины. Фотоаппарат мне очень пригодился. Я делал фотографии для «кеннкарт» – фальшивых пропусков, дающих право на проезд в Варшаву, как именовалась груда битого кирпича, из которой еще извлекали разную требуху. Фотографировались даже «ко дню первого причастия», ибо все вокруг шло своим чередом, и я тоже твердо решил жить отныне такой вот обычной нормальной жизнью. Во всяком случае, хотя бы дождаться пресловутой «весны».

А пока было холодно. Осень, поначалу мягкая и ровная, становилась злой. Жилье у меня было знатное. Конура под крышей барака с отдельным ходом. Наверх вела железная лесенка, громыхающая при каждом шаге. Имелась «печь». Точнее, несколько кирпичей, сложенных каким-то умельцем, и два листа жести, мгновенно раскалявшихся докрасна. К этому диковинному сооружению была приделана труба.

Что там было еще? До события, о котором пойдет речь, в памяти не удержалось ничего. Лишь теперь я припоминаю огромные скирды свекольной ботвы, чудовищные холмы, куда и этой осенью (все шло своим чередом) работни-

ки с фольварка умудрялись добавить еще, верша высоченные стога. Тогда я их не замечал, как не замечал и больших торфяников, бурыми пятнами разбросанных до березняка на горизонте. Я помнил только наезженную дорогу, по которой ходил в деревню, где у меня завелись «клиенты». Неизвестно почему (видно, ослабили в башке винтики), я не любил глазеть по сторонам, не желал любоваться кем-нибудь бескорыстно. Смотрел себе под ноги, видел комковатую землю, навоз. А между тем все мне здесь нравилось. Нравилось, что вокруг нет стен, готовых тебя придавить. Что безлюдно. Или взять хотя бы это болото, где не пройти человеку – пусто и пусто.

Надо сказать, что раньше я очень любил фотографировать. И у меня была забавная привычка серьезно относиться к своим увлечениям. Ни разу, к примеру, я не сфотографировал тетку или дядю, от знакомых, просивших «карточку», умел отделаться заученными шутками. Теперь пленки было мало, приходилось экономить. Все же порой взгляд приковывала одинокая березка у края болота или печальный силуэт птицы на фоне неба, и я хитрил, как, бывало, мальчишкой, когда хотел избавиться от назойливых просьб – нажимал на невзведенный спуск. Я несколько одичал здесь, в этой пустыне. Однажды меня глубоко потрясла мысль, что независимо от разных событий, происходящих с нами (с людьми вообще), вороны вот так же будут чертить подожженное зимним закатом небо. Мне становилось легче, словно подобная га-

рантия продолжения жизни была надежной. Таким образом я довольно прочно забыл о брате и обо всех остальных. Сейчас гораздо важнее было украсть со склада винокуренного завода полведра угля: сырая акация, срубленная в парке, горела плохо, сквозь незаделанное окно дуло, вот-вот должен был выпасть снег.

Еще засветло я успел выйти на грунтовую дорогу, которую здесь называли дамбой. Дальше я шел уже спокойно. Самым неприятным местом была тропа, которую коровье стадо размесило до ширины большого тракта и которая терялась между мутных окон торфяных болот. От деревни, где я добывал себе приварок, этой самой тропинкой я выбрался напрямик на дорогу, ведущую к фольварку. Хотя накануне ночью болото подмерзло, я с облегчением ступил на твердую землю. Только теперь я заметил, что уже довольно ярко светит молодой месяц. До дома оставалось километра три. Смешно, но именно так я подумал о восьми квадратных метрах покоровившихся досок, огороженных стенами, где сквозь трещины в штукатурке скалился кирпич. Страсть, до чего необходим человеку «свой дом».

Я не прошел и пятисот метров, когда заметил, или, вернее, почувствовал, что я не один. Собственно – услышал, остановившись на минуту. Нет, у меня не развязался ботинок и на тесемку от кальсон я не наступил. Просто-напросто люблю постоять, когда вокруг совершенно тихо. Но именно полной

тишины и не было. Сбоку чавкнуло, словно бы кто вытаскивал ногу из болота. Я обернулся – и все затихло опять, Однако опять это была не та желанная тишина, тут кто-то был. Напрягая взгляд до того, что слезы выступили на глазах, я различил в сплошной темноте справа от себя две карликовые сосенки и еще то ли кучу хвороста, то ли приземистую елку.

Наконец я осознал, что все равно не увижу это, если оно не хочет быть замеченным. Слишком темно. Я долго стоял на одном месте, затем осторожно двинулся дальше. Но теперь каждый шаг отдавался во мне страхом. Стук моих ботинок, хруст подмерзшей земли сливались со звуками шагов другого существа, тайно следовавшего за мной. Я внезапно остановился и снова услышал как бы вздох торфяного болота. Но на этот раз я засек момент. Кто-то действительно вытаскивал ноги из болота. Мне даже показалось, будто я слышу, как булькает вода. И тут я побежал. Не знаю, чем это объяснить, но именно в ту минуту, убегая от неведомой опасности, с фотоаппаратом, бьющим меня по животу, с пустыми по-идиотски руками, я вдруг отчетливо осознал, что так отныне будет всегда, что без оружия я всегда буду убегать, ибо ничего мне не надо, только бы жить. Возле карликовых сосенок я остановился. Обернулся назад. Передо мной светлел под месяцем замшелый кожух болота, по которому черт налепил торфяных заплат. Оттуда кто-то шел. Сперва я подумал, что это кабан. Потом увидел, что это человек. Потом – что это женщина. Она упала на четвереньки, и опять стала темным, по-

хожим на зверя, шевелящимся пятном, но теперь я все знал. Я стоял, укрывшись в тени, и снова обрел уверенность. Она меня боялась. Шла за мной молча, не смела окликнуть, когда я вдруг побежал. Здесь никогда не стреляли, раненой она не могла быть. И не могла скрываться от облавы, здесь ничего такого не происходило. Уже явственно слышалось, как хрустит у нее под ногами смерзшийся мох. Прежде чем я успел на что-то решиться, она оказалась совсем рядом. Опасаясь напугать ее внезапным появлением из укрытия, и не шевельнулся. Она прошла мимо, очень близко от меня. Смотрела прямо перед собой. На ней было только платье, а поверх него одеяло, так набрасывают теплую шаль деревенские бабы, когда идут осенью в костел. Я шел за ней по дамбе, а она, к моему удивлению, трусила, спотыкаясь, поодаль по заиндевелым болотным кочкам. Мы прошли с полкилометра, впереди на фоне неба уже вырисовывались очертания стогов. Тут она обернулась. Я замер на месте. Некоторое время она смотрела на меня. Сделала несколько шагов навстречу, остановилась. Потом медленно подошла ближе. Не взглянула мне в лицо, просто стояла, и все. Так, случается, встанет смертельно загнанный конь в двух шагах от воза, из которого его слишком поздно выпрягли. Я видел такую картину в сентябре.

– Добрый вечер, – сказал я, как последний кретин.

Она подняла голову, но не произнесла ни слова, отчего вопиющая неуместность этой фразы стала еще более очевидной. В самом деле, что можно сказать в ответ, когда идешь

чуть ли не босиком по мерзлой земле, дрожа от холода, а может, и голода? Чтобы замять неловкость, я торопливо пробормотал, что на фольварке можно обогреться. И поесть.

Она не отвечала. Точно глухая, вглядывалась в движение моих губ, силясь отгадать смысл слов, и неожиданно улыбнулась. Тут до меня дошло, что она еврейка, словно до сих пор я обитал на другой планете. Я повторил: не надо бояться и поесть что-нибудь найдется. Она быстро заговорила на непонятном языке. «Венгерский», – промелькнуло у меня в голове. Вспомнилось, как перед восстанием я торговал пистолет у одного мадьяра. А она все твердила свое и показывала рукой в ту сторону, откуда пришла. Ей необходимо было согреться, поэтому я только кивнул головой, будто бы понял ее и направился к фольварку, задами, через поваленные изгороди. Она спотыкалась о невыкорчеванные пни – люди рубили по ночам на дрова парковые липы. Я взял ее за руку. Рука была маленькая и горячая.

Я знал, что везде уже спят. Экономили керосин, спать ложились рано, едва стемнеет. У меня, наверху, должен стоять котелок. Когда мне случалось запоздать, бабка, у которой я «столовался», оставляла ужин в моей странной печке. Печка держала тепло целый час. Наконец мы добрались до железной лестницы. Выпустив ее руку, я коснулся перил и тут же отдернул ладонь, как ошпаренный. Только теперь я почувствовал, насколько было холодно. У нее, наверно, температура. Быстрее, быстрее в комнату. Я опустил бумажные

шторы, зажег керосиновую лампу. При свете я разглядел ее. Маленькое худое лицо с потрескавшейся от ветра и холода кожей. Огромные глаза. Глаза смотрели на печку, на котелок. Крышка у котелка сдвинулась. Там была картошка с крупой.

Я снял крышку и подал ей котелок. Она взяла его обеими руками, склонилась над ним, ноздри ее трепетали, она была прекрасна. Такая жалкая – и прекрасная, с вдохновенным лицом. Я протянул ей ложку, но она засунула ее в котелок, взяла крышку, закрыла плотно и принялась что-то взволнованно мне объяснять, то и дело показывая рукой в ту сторону, откуда пришла. Я понял – там были еще люди.

Жизнь свою я не выиграл в лотерею. Мне чудом удалось выбраться из растерзанного города. И у меня не было желания окончить свой путь в торфяных болотах. Да и что я мог для них сделать?

Она ушла. Загромыхали железные ступеньки. В ней и весу-то было, наверно, не больше, чем в тринадцатилетнем ребенке, но ведь тут все содрогалось даже от слабого ветра. Я снял куртку, швырнул на кровать – куртка и дырявое одеяло были моей постелью – и решил растопить печку, но как-то все не ладилось. Два раза падала проклятая задняя стенка, огонь то и дело затухал. Я злился, но в душе был рад, что есть чем заняться. Тошно лежать без сна. Вдруг железная лестница закрипела громче. Я замер, сидя на корточках у временки, не сводя глаз с двери. Накладка дрогнула, но дверь еще оставалась закрытой. Я выпрямился и хотел уже

шагнуть, но тут под напором ветра дверь с грохотом распахнулась настезь. Это была она. На лице ее отражалась такая мука, страх и униженность, что я кинулся к ней и рывком втащил в комнату, решив, что она, теряя последние силы, уходит от погони. Я бы ничуть не удивился, если бы в комнату ворвался не ветер, а жандармская ищейка. И тут я увидел у нее в руках котелок. Теперь он был пустой. Она судорожно прижимала его к груди, и я понял, что произошло. Не донесла. По дороге, которой мы шли сюда вместе, она остановилась передохнуть и не выдержала – взяла в руки ложку. А где-то ждали голодные люди. Я был уверен, что там у нее ребенок.

Я засуеился, пытаюсь скрыть замешательство. Схватил полбуханки хлеба, в куче дырявых носков и обрывков пленки отыскал кусочек грудинки, сухой и тощий, как свиное ухо. Все это я запихивал в тот злосчастный котелок. Она молча смотрела на меня. После того как я нашел грудинку, моя суежливая деятельность иссякла, съестного ничего больше не было. Тогда я, в свою очередь, посмотрел на нее. Она плакала. Думаю, от стыда.

Потом мы стали разговаривать. Она объяснила знаками, что их там десять человек. И двое детей: два пальца она сгибала и поглаживала рукой воздух на уровне колен. Должно быть, ее дети. Это угадывалось по движениям неестественно худых пальцев.

Короче, я разбудил бабку и попросил сварить картошки.

В мундире, чтобы поскорей. Я вообще не был многословен, а люди нынче отучились задавать вопросы. Когда я вернулся, она спала, сидя на полу, у стены. Моя постель с грязным одеялом и потрепанной курткой стояла нетронутой. Мне вспомнилось, как она шла по кромке подмерзшего болота, не решаясь ступить на дамбу. Я вытащил из печки чугунок горячей картошки (это был уже не «ее» котелок, а чугунок, в котором старуха варила свиньям). Дно чугуна заскрежетало по каменному поду, у ней дрогнули веки. Я понял, что она проснулась, но не открывает глаза, боясь увидеть такое, от чего надо опять спастись бегством; затем – это длилось секунду – разглядывала меня. И улыбнулась, во второй раз. Наверно, заметила чугунок, и, хотя все было понятно, меня это как-то задело. Она поспешно поднялась, опираясь рукой о стену – видно, была слаба и собиралась с силами, прежде чем наклониться за тяжелым чугуном. Я отвел ее руки. Пошарил в своем кармане и вытащил вареники. Старые вареники, которые давно пора бы выбросить. Когда я натягивал их на ее негнущиеся пальцы, она пристально, без улыбки смотрела на меня.

Дело кончилось, разумеется, тем, что я сам должен был тащить им эту проклятую жратву. По дороге я несколько раз останавливался. Сперва в полсотне метров от забора. На заиндевевшей траве отпечатались ее следы – здесь она уже сошла с дамбы. Я видел в тридцать девятом году, как еврей получил от немца пощечину за то, что шел по тротуару. Тогда

меня это потрясло. И помнилось дольше, чем все увиденное потом и к чему я в конце концов сумел привыкнуть.

Я запомнил место, откуда она стала тайком сопровождать меня. До него было еще с километр ходу. Там мы свернули с дороги и довольно долго тащились по болоту, пока не напали на ее старые следы. Кое-где их было натоптано много. Я догадался, что это все она. Первый раз шла за мной к фольварку, потом несла туда котелок и, наконец, бежала обратно ко мне. Значит, она не съела все сама, а вернулась, чтобы принести побольше остальным?

Чугун оттягивал мне руки. Я на время отвлекся, подумав, не прячутся ли они за обвалившимися штабелями торфа, сложенными, видимо, еще до войны. И вдруг заметил, что передо мной снова только один след. Не знаю почему, но у меня на душе полегчало (даже чугун показался не столь уж тяжелым). Значит, она не отдала им, а где-то здесь накинута на еду и съела все без остатка.

Я оглянулся – она брела следом. Руки в драных моих варежках держала чудно, накрест прижав их к груди. Старалась согреться. И лишь совсем близко подойдя ко мне, подняла голову. Верно, взгляд мой был странным, она словно бы споткнулась об него – в безграничном изумлении и растерянности, будто увидела вдруг нечто, давно уже похороненное в зачленелой земле. С минуту она стояла недвижимо, потом вытянула руку в ту сторону, куда мы направлялись, и проговорила несколько непонятных слов. Подумав, сказала

«шон», то есть «уже». Но из-за ее мягкого выговора получилось «шен» – «прекрасно». Я остановился в недоумении. «Шон зинд да», – повторила она, и я наконец понял правильно. Там, над ковшом старого торфяного карьера с темными, нависшими краями, рассеивался слабый отсвет. Она пошла впереди, показав жестом, чтобы я следовал за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.